

По волнам памяти

Москва, правда - 2001 - 13 янв. - с-6

После долгого перерыва мы вновь увидели, на этот раз в залах Музея Востока, живопись и графику Анатолия Мосийчука. Мастера крупного, сложного, ускользающего от всех искусствоведческих дефиниций. Творчество его не только не поддается однозначному толкованию, но зачастую просто непонятно. К тому же художник, похоже, и не стремится быть понятым. Он пишет свои странные картины просто потому, что не может не писать их.

Его работы невелики по размерам и решены в неярких тонах - серых, черных, коричнево-лиловых с редкими, но сильными ударами красного или синего. Изображения намеренно размыты, любая четкость исключена. Гладкописи противостоят «лохматые» фактурные куски, изображающие растительность, шерсть, шершавые поверхности. В некоем условном пространстве существуют человекообразные ипостаси, чаще женские, чем мужские, чаще голые, чем одетые. Им сопутствуют лохматые или пернатые твари, тоже намеренно неясные, размытые. Все они находятся в странных отношениях: обнимаются, дерутся, гоняются друг за другом или стаей за кем-то одним, летают по воздуху (и люди тоже), полеживают на облаках, носят на головах стулья или дома. С годами композиции работ Мосийчука

потрудиться умом и чувством, то общее настроение картин станет доступно пониманию. Вот полотно «Прилив» (1994): мирный хутор, хата с аистиним гнездом, лужайка, немолодая пара в шезлонгах на берегу какого-то водоема. Лежат неподвижно, хотя подымавшаяся вода дошла им уже до пояса. Над водой вьет-ся непонятное создание - полупры-

- тупик, безысходность. Есть зрительные эквиваленты народных пословиц, причем подобно средневековому богوماзу художник изображает все дословно. И если сказано «всякий да несет свой жизненный груз», то человек на картине будет держать на плечах что-то пусть непонятное, но явно тяжелое.

Художник говорит, что старается держаться подальше от политики. Но на деле уйти от нее не может - у нас, в России, она рассеяна в воздухе, мы дышим ею ежедневно. И в картины Мосийчука она все равно проникает, а может быть, это мы сами вкладываем в них политическую злобу дня. Работы его прошлых лет, особенно 1993 - 1994, были полны горечи, тяжелых предчувствий: остервенелая стая собак преследовала большое испуганное существо, похожее на лошадь (позднее художник объяснил мне, что так отразилась в его сознании атмосфера в столице в дни, предшествовавшие расстрелу Белого дома), черный дьявол когтил тело обнаженной девы... Несколькими полотнами 2000 года, выставленных впервые, выдают осторожное, недоверчивое ожидание перемен. На одном из них человекообразное существо с крыльями, балансирует на страшно неудобной жердочке. Картина называется странно: «И...» «Что «и»? Полетели? Сели? Сверзились в бездну? Кто это? Россия 2000 года? Человечество в новом тысячелетии? Думайте сами.

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимках: «Прилив», 1994. «Место», 1995. «И...», 2000.

все более упрощаются, а любой внятный сюжет исчезает...

По духу творчества Мосийчук созвучен Гойе, но не черно-белой четкости офортов серии «Капричос», а фрескам с их мрачной фантастикой - таинственностью, недосказанностью, подозрительным мельтешением толп, странными языческими обрядами - то ли явью, то ли бредом. Но отсутствует черный ужас великого испанца, у Мосийчука все светлее, мягче, хотя не менее драматично. Он ближе скорее к Гоголю, к «страшилкам» хутора близ Диканьки. Оттуда, с Украины, у Мосийчука и жемчужно-серая дымка, скрадывающая очертания, и «тополей седая стая», и белые мазанки, и даже излюбленный художником женский тип - плотные, крепконогие фигуры, пышные, тяжеловатые формы - украинские крестьянки.

Когда работы А. Мосийчука собраны вместе и грамотно развешены, становится ясен их общий смысл. Перед нами уникальный, нескончаемый, разделенный на фрагменты лишь временем создания, год за годом ведущийся дневник, фиксирующий оттенки каждодневных чувствований автора, а через него - и нас всех, его современников, наших сомнений, страхов, предчувствий, надежд. Только выражены они по-особому, системой кодовых образов, сплошь и рядом обозначающих совсем не то, что мы видим. Но если

ба-полуптица. Нелепица, бред. Но явственно чувство тревоги, надвигающейся грозной опасности, готовой смести хрупкое благополучие. Каждый волен по-своему расшифровать странные образы, рожденные фантазией художника, но в целом ясно, что плачущая женщина - это грусть, трещина в земле - отчужденность человеческая, подобие шлагбаума

